

Писатели и читатели

Однажды я подошел к своему кабинету и нашел на полу возле двери записку. Я поднял ее и прочитал: «Спасибо за Вашу усердную работу на наших занятиях». В записке не было ни адреса, ни подписи, поэтому, войдя в кабинет, я положил ее на стол, и совершенно забыл о ней.

Спустя несколько дней после занятий ко мне подошел один студент. В течение всего семестра он многократно спорил со мной во время лекций. Я испугался и ожидал очередного спора, но, к моему изумлению, он спросил: «Вы нашли мою записку с благодарностью?»

«Так это ты ее написал?» — спросил я, не веря своим ушам.

«Я, — улыбнулся он. — Я хочу вам признаться, что мои взгляды изменились. Теперь я полностью согласен с вашим учением».

Можете представить, что я сделал, вернувшись в свой кабинет. Я нашел записку и прочитал ее снова, но на этот раз уже с большим интересом. Когда я узнал, кто написал ее, и что адресована она лично мне, записка стала для меня значительно важнее, чем раньше.

Многие стихи в ветхозаветных историях кажутся нам настолько простыми, что мы понимаем и применяем их в своей жизни, даже мало зная об истории их написания. Однако наше понимание в большой мере обогащается, когда мы узнаем об их авторе, а также о читателях его эпохи.

До этого мы, в основном, сосредотачивались на исследовании внутренней структуры ветхозаветных историй. Ничто не может заменить внимательного изучения построения этих текстов. Однако теперь нам следует перейти к изучению внешних обстоятельств — рассмотрению текста в свете его автора и первых читателей. Нас не только интересуют сами тексты; теперь нас больше привлекают прагматические аспекты первоначального значения. Почему ветхозаветные писатели составляли свои рассказы именно так? Что именно они хотели донести читателям своих дней?

Приступая к этому аспекту изучения, мы сталкиваемся с двумя вопросами: определением авторства, характеристикой читателей и выявлением намерений писателя. Что мы можем узнать об авторе и читателях ветхозаветных историй? Как мы можем раскрыть цели, для которых писались эти тексты?

Определение автора и читателей

Моя знакомая однажды позвонила соседке, чтобы поговорить о личных делах. Она говорила приблизительно минуту, но вдруг поняла, что набрала неправильный номер. Она рассказывала свои секреты совершенно незнакомому человеку! Ей стало стыдно, и она быстро положила трубку. «Теперь я всегда буду спрашивать, с кем говорю!» — поклялась она.

Когда мы толкуем ветхозаветные истории, нам также необходимо выяснить, с кем мы говорим. Нам нужно сделать все возможное, чтобы определить, кто написал эти истории и кому они адресованы. Давайте рассмотрим некоторые проблемы с определением автора и подсказки к определению.

Проблемы с определением автора

Многих студентов шокирует сложность определения писателей и читателей ветхозаветных историй. Большинство из нас подходит к этой теме, представляя себе Ветхий Завет так же, как и Новый. Мы привыкли соотносить Послания Римлянам, Галатам и Ефесеям с личностью Павла. Однако наша относительная уверенность в авторстве новозаветных Посланий только ярче выделяет наше незнание авторов многих ветхозаветных книг.

Евангелисты придерживаются основного руководящего принципа: веры в достоверность Библейского свидетельства. Такое убеждение тесно согласовывается с уверенностью в Библейской непогрешимости. А поскольку Писание не извращает факты, оно точно определяет авторов и первых читателей. Когда в новозаветном Послании говорится, что оно было написано Павлом (например, Рим.1:1; 1Кор.1:1), это действительно так. Когда Иисус, ссылаясь на Псалом 109:1, говорит, что «Давид по вдохновению назвал...» (Мф.22:43–44), Его слова дают достоверное свидетельство об авторстве этого псалма. Одним словом, евангелисты принимают любое свидетельство Писания о литературном авторстве. Как сказано в Чикагском положении о библейской непогрешимости: «Будучи целиком и полностью дано Богом, Писание не содержит ошибок ни в повествовании о Божьих делах творения, ни в записях о событиях всемирной истории, ни в учении, ни в свидетельстве о Божьей благодати, спасающей жизни людей».

Определяя авторов и читателей ветхозаветных историй, мы будем следовать свидетельствам самой Библии.

Однако доверие Библейскому свидетельству не решает всех наших проблем. По крайней мере, три препятствия все еще усложняют нашу задачу: развитие текста, изменения в тексте и недостаток сведений в тексте.

Развитие текста. Одна из трудностей состоит в том, что ветхозаветные книги не были написаны все сразу; некоторые развивались годами и даже веками, прежде чем получили окончательную форму. Критический подход к Ветхому Завету сосредотачивается на истории составления книг и рассматривает их развитие на протяжении временных периодов. Но большая часть такого анализа остается спекулятивной и ненадежной. Многие методы, используемые при таком анализе, несовместимы с евангельским взглядом на авторитет Библии. Мы должны проявлять крайнюю осторожность, когда рассматриваем диахронические изменения текстов, предлагаемые толкователями.

С другой стороны, многие евангелисты умаляют ценность диахронического анализа. «Мы принимаем текст таким, каков он есть сегодня,— часто говорят они. — Нам неинтересно, как развивались ветхозаветные истории». Такое мнение может казаться достаточно обоснованным, но некоторые вопросы заставляют нас обратить внимание на развитие ветхозаветных текстов.

Прежде всего, сами ветхозаветные писатели часто признавали, что пользовались источниками (например, 1Пар.9:1; 3Цар.14:19). Дублированные повествования явно свидетельствуют о том, что многие тексты были подвержены историческому влиянию (сравните 4Цар.18:13–37 с книгой Исаии 36:1–22, а также 2Пар.36:22–23 с книгой Езд.1:1–4). Собирающие, копирование и дополнение письменных и устных источников было частью органичного процесса вдохновения. Глядя на то, как автор Паралипомена пользуется информацией из книг Царств, мы видим, что иногда ветхозаветные авторы близко придерживались источников, а иногда свободно изменяли их. Такие выразительные качества ветхозаветных текстов вынуждают нас признать, что многие ветхозаветные истории получили широкое развитие уже при составлении.

Исследование истории составления также помогает нам понять многие литературные черты ветхозаветных книг. Из-за диахронического развития тексты иногда кажутся несвязными и несогласованными. Например, рассказы об Илии и Елисе (3Цар.17:1 – 4Цар.8:15) резко отличаются своим стилем от остальных разделов книг Царств. Истории об Иосифе (Быт.37:2–50:26) имеют такую литературную слаженность, которой нет в других частях Бытия. Такие литературные качества часто объясняются диахроническим развитием.

История составления ветхозаветных историй также усложняет нашу задачу определения писателя и его читателей-современников. Иногда ветхозаветные авторы ссылаются в своих книгах на источники, материалы которых они не всегда полностью используют. Географические, политические и стилистические черты часто выдают предыдущий источник. Пропуская такие моменты, мы можем легко спутать дату источника с датой составления окончательной формы интересующей нас книги.

Яркий пример тому, виден в 3Цар.8:8. Этот стих утверждает, что шесты, на которых носили ковчег завета, «выдвинулись так, что головки шестов видны были из святилища пред давиrom, но не выказывались наружу; они там и до сего дня».

Если не принимать во внимание историю составления этой книги, на основании данного стиха мы можем сделать заключение, что книга Царств была написана до разрушения храма. Текст утверждает, что шесты, используемые при ношении ковчега, «там до сего дня» (3Цар.8:8), однако

остальная часть книги свидетельствует, что такая датировка неправильна. Последние главы книги повествуют о событиях, которые произошли спустя длительное время после разрушения храма. Как же, в таком случае, объяснить слова «они там и до сего дня» в 3Цар.8:8? Очевидно, что последний составитель книги Царств следовал более раннему источнику и оставил временную ссылку такой, какой ее получил. Слово «сегодня» относилось ко времени источника, а не к дням писателя. Если мы пропустим эту диахроническую черту текста, мы запутаемся, пытаясь определить автора и первых читателей книг Царств.

Изменения в тексте. Кроме истории составления текста, нам также следует внимательно изучить редакторскую работу уже составленного материала. Многие ветхозаветные истории подверглись небольшому корректорским поправкам, большая часть которых может быть выявлена посредством текстового анализа. Заметки, расширения, опущения и тому подобные поправки появлялись в ветхозаветных историях, ведь они передавались от поколения к поколению. Однако в большинстве случаев прежнее содержание текста можно восстановить, благодаря традиционным методам текстового анализа.

Более того, евангелисты иногда выявляют в историях корректорские правки, которые мало обусловлены текстовой поддержкой или же вовсе ее не имеют. Такие поправки зачастую объясняются простым обновлением языка, изменением географических названий, ошибками в списках и т.д. Определение таких изменений в тексте также важно для определения автора и первых читателей той или иной книги, поскольку более поздние переиздания могут формировать ложное представление об изначальном составе материала.

Например, в Быт.14:14 мы читаем, что Аврам «преследовал своих неприятелей до Дана». Из книги Судей (18:29) мы знаем, что в дни Моисея это место называлось Лаис. Его название было изменено только после того, как колено Даново оставило свою первую территорию и ушло на север (Суд.18:1–31). Откуда же ссылка на «Дан» взялась в Быт.14:14, автором которого был Моисей? Большинство евангелистов считают эту ссылку более поздней редакторской поправкой.

В 1Пар.3:1–24 содержится царская родословная до пятого рода после Зоровавеля. Если первоначальная форма книги содержала этот список, то конечное составление Паралипомена могло произойти не ранее 478 года до Р.Х. Однако стиль последней части родословной ставит под сомнение отсутствие поправок в 1Пар.3:21б–24. Как заметил Кейл: «список, от стиха 21 до конца главы, является фрагментом родословной, который мог попасть в текст гораздо позже дней автора книги». Определив время жизни летописца, мы должны признать, что эта родословная дописывалась еще долго после составления автором первоначальной формы.

Также и Е. Д. Янг отметил, что Иаддуй (351–331гг. до Р.Х.), первосвященник во времена Александра Великого, появляется в Неем.12:1–22. Янг высказал предположение, что «список священников и левитов... мог быть дополнен позже». Такое наблюдение влияет на определение даты написания книги Неемии.

Любые корректорские правки должны настораживать нас, особенно, если в их поддержку нет никаких текстовых свидетельств и доказательств. Бремя ответственности лежит на тех, кто предлагает изменить или расширить какое-либо место Писания. Однако мы не должны исключать возможности таких поправок, когда пытаемся установить автора и его первых читателей.

Недостаток сведений в тексте. Когда мы определили источники и редакторские поправки в ветхозаветных историях, нам остается только установить уровень окончательного состава текста, который и содержит в себе первоначальное значение. Но на этом этапе мы сталкиваемся с недостатком сведений. Ветхозаветные истории четко выделяют только некоторых писателей. Все повествовательные книги Ветхого Завета остаются анонимными, кроме книг Моисея.

Вокруг каждой книги сложились определенные традиционные взгляды по поводу ее авторства. Некоторые из таких предположений возможны, и даже справедливы. Но большей части книг авторство присваивается необоснованно, и даже вопреки свидетельствам самих книг.

Таким образом, мы сталкиваемся с множеством проблем, пытаясь установить ветхозаветных авторов и читателей. Использование источников, наличие редакторских поправок, а также отсутствие явных сообщений об авторах в самих текстах усложняют нашу задачу. Такие трудности поднимают важный вопрос: на какую информацию о ветхозаветных авторах и их первых читателях мы можем опираться? Что мы можем узнать о них?

Подсказки к определению

Так как мы имеем мало конкретной информации, нам нужно установить возможных писателей на основании различных подсказок. Внимательно рассматривая свидетельства, мы находим ссылки на время и обстоятельства, в которых жили автор и читатели. Что это за подсказки и как они помогают нам установить самые ранние и самые поздние даты?

Предполагаемая первая дата. Три основных черты помогают определить предполагаемую дату первого окончательного составления книги: последние события книги, анахронизмы и авторские комментарии.

Во-первых, окончательная форма любой из ветхозаветных книг не могла быть написана раньше, чем произошли последние события, описанные в ней. В основном, ветхозаветные истории сообщают о событиях, которые уже произошли. Это помогает нам устанавливать возможные первые даты появления многих книг.

Например, последним событием в книге Царств было освобождение Иехонии (4Цар.25:27–30). Написание этой книги могло быть закончено только после этого события. По заключительным стихам Паралипоменона (36:22–23) мы видим, что окончательную форму Паралипоменон получил не раньше выхода указа от царя Кира в 538 г. до Р.Х. В каждой ветхозаветной повествовательной книге последнее историческое событие дает нам начальный ориентир в определении возможной даты составления окончательной формы книги.

Этот фактор заслуживает внимательного изучения, но он не применим к каждой книге. Некоторые ветхозаветные книги были составлены по прошествии долгого времени после описанных в них событий. Мы знаем, например, что Моисей написал Бытие не ранее чем спустя 400 лет после последнего события в этой книге. Мы увидим, что так было и с другими книгами.

До недавнего времени евангельские ученые старались как можно больше сближать автора и читателей с событиями книги. Такое стремление возникло, благодаря убеждению, что от временной приближенности автора к тексту зависела историческая достоверность материала. Но такое предположение не оправдывает себя. Историческая дистанция часто позволяет автору более отчетливо видеть факты истории. Кроме того, временная приближенность не является основой исторической достоверности историй Ветхого Завета; они исторически безошибочны, потому что Святой Дух Истины вдохновил их. Историческая дистанция Ему не мешала. Годы, десятки и сотни лет могли проходить между событиями и рассказами, повествующими о них без искажения исторической достоверности.

Во-вторых, ветхозаветные авторы дают нам подсказки о своем времени в анахронизмах, помещая какое-нибудь понятие или выражение своих дней в более ранний период истории. Анахронизмы в описании действующих лиц, мест или событий сообщают нам о времени автора.

Например, в 1Пар.29:7 сообщается, что главы колен Израиля принесли для строительства храма «десять тысяч драхм золота». Упоминание о «драхмах» является чистым анахронизмом, поскольку драхм в дни Давида не существовало. Этим термином, должно быть, обозначались деньги во времена автора Паралипоменона. Таким образом, мы можем смело предположить, что свою книгу летописец писал после введения указанных денежных единиц.

Анахронизмы часто показывают дату появления той или иной ветхозаветной истории. Они, вместе с другими подсказками, помогают точнее определить даты.

В-третьих, возможные даты часто видны в авторских комментариях. Писатели выдают время написания книги своими объяснениями и наблюдениями. Например, перед ритуалом, в котором Вооз получил сапог от родственника Ноеминь (Руфь 4:8), автор приводит объяснение: «Прежде такой был обычай у Израиля при выкупе и при мене, для подтверждения какого-либо дела: один снимал сапог свой и давал другому, и это было свидетельством у Израиля» (4:7). Очевидно, что ко времени окончательного составления книги этот обычай был забыт. Поэтому автор объяснил, для чего «прежде» люди так поступали. Очень много времени прошло между событиями и их описанием в книге. Это также подтверждает родословная в конце книги, которая простирается далеко после дней Руфи (Руфь 4:18–22).

Возможная последняя дата. Ветхозаветные истории также содержат подсказки, помогающие нам определить возможные даты окончательного составления книг. Последние даты установить

труднее, чем первые, но в этом нам помогают внешние сноски, отсутствие важных событий и идеология книги.

Во-первых, в некоторых случаях нам может помочь ссылка на книгу, содержащаяся в другом материале. Очень часто ветхозаветные книги ссылаются одна на другую, позволяя нам точнее определять даты их появления. Мы предполагаем, например, что книги Царств были написаны до Паралипомена, потому что автор Паралипомена широко пользовался информацией из книг Царств. С уверенностью можно сказать, что Второзаконие было написано до дней Неемии, потому что пророк ссылается на эту книгу (Неем.1:8–9). Этот критерий иногда работает, однако не следует забывать, что цитата может просто свидетельствовать об общем источнике книг. Она также может быть ссылкой на книгу, которая еще не получила окончательной формы. Внешние ссылки должны всегда рассматриваться в совокупности с другими подсказками.

Во-вторых, отсутствие важных событий в истории Израиля также помогает установить возможную дату окончательного составления книги. Если событие было значительным для израильского народа, а автор не включил его в свою историческую запись, это вполне могло свидетельствовать о том, что событие произошло после написания книги.

Вероятно, например, что автор книг Царств писал их до указа царя Кира, потому что он не включил это важное событие в свою летопись. Резкое окончание книги наводит на мысль о том, что в то время Кир еще не издал указ. Мы также видим, что родословная Руфи заканчивается на Давиде (Руфь 4:18–22). Она не продолжается до Соломона, Ровоама и других потомков Давида. Поэтому можно предположить, что книга была составлена при жизни Давида.

Однако этой подсказкой нужно пользоваться осторожно. Ветхозаветные авторы не обязаны записывать подряд все, что случилось. Писатель мог не упоминать о событиях по многим причинам.

В-третьих, зачастую наилучшим способом установить дату окончательного составления книги является изучение идеологии этой книги. В этом нам помогают несколько вопросов. Какова богословская направленность книги? Какой период истории Израиля лучше всего подходит под время, описываемое в книге? Чем лучше мы понимаем основные цели книги, тем точнее мы сможем предположить время ее окончательного составления.

Некоторые толкователи, например, утверждают, что книга Паралипоменон сосредотачивается на различных аспектах царства и храма. В ней предоставлены примеры роли царя Израиля в формировании религиозного обряда. В той степени, в которой такая оценка верна, она свидетельствует о появлении Паралипомена до смерти Зоровавеля, в то время, когда Израиль, возвращенный из плена, нуждался в объединении вокруг царя и храма.

Также и книга Судей поддерживает мысль о необходимости царя, указывая на недостатки судей и левитов. Очевидно, этот аргумент лучше всего воспринимался во времена, когда недостатки монархов не были явны для Израиля. Таким образом, можно предположить, что книга была написана до того, как о неприятностях в доме Давида было возведено народу.

Идеологические направления не всегда однозначны. Тексты могут говорить в пользу нескольких точек зрения. К тому же, наша оценка богословского содержания той или иной книги в огромной мере зависит от автора и читателей, с которыми мы предположительно связываем время написания этой книги. Однако в совокупности с другими подсказками, такие принципы помогают нам установить приблизительное датирование окончательного варианта той или иной книги.

Для некоторых ветхозаветных книг нам приходится довольствоваться лишь малой долей вероятности датировки их окончательного составления. Тем не менее, в большинстве случаев мы можем делать достаточно четкие предположения, основанные на подсказках в самом тексте (см. рис. 42).

Определять время написания книги и авторство при помощи таких подсказок полезно. Во-первых, это побуждает нас припомнить то, что мы действительно знаем об авторе книги и читателях, которым она была адресована. Святой Дух скрыл от нас действительных авторов большинства ветхозаветных историй. Мы можем частично ориентироваться на основании подсказок, которые Он дал нам, но во многих случаях Дух явно не желает, чтобы мы узнали о действительном авторе и людях, которым он писал свою книгу. Мы должны покорно принимать то, что Он открывает нам.

Во-вторых, совокупное знание об авторе, датах, целях и читателях книги удерживает нас от ограничения значения текста до узких гипотез. Если мы связываем свое толкование только с чем-нибудь одним, мы рискуем упустить определенные аспекты значения.

Определение писателя и читателей является очень важным аспектом толкования ветхозаветных историй. Мы сталкиваемся с развитием текста, его изменениями и недостатком информации. Однако при изучении различных подсказок, мы можем определить возможные первые и последние даты окончательного составления книг. При этом расширяется наше понимание первоначального значения историй Ветхого Завета.

Выявление намерений писателя

Когда кто-то скрытно дает деньги нищему, мы называем это милосердием. Но если человек старается показаться перед людьми, мы называем его выскочкой. Если дети разбивают окно бейсбольным мячом нарочно, они должны быть наказаны; но если это случайность, они могут отделаться только предупреждением. Наша оценка мотивов оказывает огромное влияние на наше суждение об одних и тех же действиях.

Таким же образом, значение ветхозаветных историй в огромной мере зависит от намерений и побуждений писателей. Понимание цели автора — это одна из самых сложных задач толкователя. Много научных трудов было посвящено этой теме. В этой главе мы ограничимся двумя вопросами: проблемы, связанные с определением авторских намерений, и подсказки к определению авторских намерений. Какие трудности нам нужно преодолеть для понимания авторских целей? В каком направлении нам следовать, чтобы определить его намерения?

Проблемы с определением намерений

Рассматривая цели ветхозаветных писателей, мы сталкиваемся с рядом препятствий, три из которых наиболее значительны: сложность определения их намерений, историческая дистанция между нами и утонченный стиль ветхозаветных писателей.

Сложность. Сложность определения цели автора очевидна, когда мы учитываем сложность его намерений. В отличие от нашего частного представления о них, ветхозаветные авторы думали не просто об одной-двух идеях, когда писали. Они преследовали множество целей на различных уровнях.

На самом простом уровне, писатели Ветхого Завета сосредотачивались на механике составления материала. Они отбирали определенные буквы, слова, фразы и предложения. Они целенаправленно использовали образность, описывали сцены и располагали материал согласно определенным структурам. Эти и другие фундаментальные писательские методы уже составляли часть их намерений.

Однако в нашей работе нас больше интересуют идеологические намерения ветхозаветных писателей — убеждения, которые они желали передать читателям. Но даже при таком узком исследовании у нас возникают сложности.

Во-первых, ветхозаветные писатели придерживались определенной иерархии в системе идеологических убеждений, придавая одним вопросам больше значения, чем другим. Например, в повествовании о путешествии Аврама в землю обетованную (Быт.12:1–9), Моисея больше волновала суть Божьего призыва, чем жизненные обстоятельства. Например, то что «Лот пошел с ним», или что «Аврам был семидесяти пяти лет» не имеет первостепенной важности. Упоминание о Лоте подготавливает нас к эпизодам, которые последуют далее; возраст Аврама помогает нам отчетливее представить картину. При оценке авторских намерений, мы должны определить относительную важность элементов в его повествовании.

Во-вторых, каждый отрывок текста вносит свой уникальный вклад в постижение замысла. Писатели составляли сцены, эпизоды, большие разделы и целые книги так, что каждый из этих элементов имеет свою кульминацию. Поэтому нам необходимо отыскивать цели, которые стоят за каждым большим и маленьким отрывком текста. К сожалению, толкователи часто игнорируют какую-либо из сторон. Иногда мы определяем цель маленького сюжета и игнорируем обширный контекст; а иногда «ухватываем» большую картину и пренебрегаем намерениями автора, скрытыми за более мелкими эпизодами.

Например, толкователи обычно сосредотачиваются исключительно на образцовом поведении Деворы (Суд.4:1–5:31). Но что хотел автор показать в этой истории? Он хотел обратить внимание

читателей на пример поведения или на реакцию судьи? Он сказал и о том, и о другом. С точки зрения автора, Девора была непорочной. Даже величайшие судьи не могли непогрешимо управлять Израилем. Оба мотива важны для понимания цели автора.

В-третьих, ветхозаветные авторы предназначали свои книги для самого разнообразного круга читателей. Первыми читателями книг Ветхого Завета были молодежь и старики, бедные и богатые, мужчины и женщины, знаменитости и простаки, верующие и неверующие, израильтяне и чужестранцы. Поэтому намерения писателей были многогранными. Стараясь учитывать преимущества и слабости, интересы и обязанности читателей, они затрагивали в одном тексте множество различных вопросов.

Например, автор книг Царств сообщает, что Соломон «Садока священника поставил царь вместо Авиафара» (3Цар.2:35). Разные интересы его читателей побудили его учитывать три идеологических момента: его слова поддерживали Садокитов, предупреждали другие священнические семьи против отстранения Садокитов и советовали народу принимать Садокитов как единственных законных первосвященников.

Каждому ветхозаветному писателю приходилось в какой-то мере сталкиваться с разнообразием читательских вкусов. К различным категориям читателей были обращены разные разделы книг. В некоторых случаях один и тот же раздел был обращен ко всем сразу.

В-четвертых, в свете всех этих препятствий, мы должны признать, что ветхозаветные писатели имели разный уровень психологического осознания своих целей. Как заметил Поллетта:

Вся художественная письменность отчасти является продуктом того, что Колридж называл «спонтанным импульсом и произвольным намерением», но содержание и отличительные качества произведений у каждого автора свои... За любым произвольным намерением может стоять сила всего менталитета автора, его видения, его методов постижения и устройства реальности вокруг себя; произвольное намерение может быть импульсом, исходящим из тех частей ума, которые находятся вне сознания.

Некоторые ветхозаветные авторы осознанно преследовали определенные цели. Но делали это, зачастую, подсознательно. В этом смысле, ветхозаветные писатели часто открывали гораздо больше, чем сами осознавали.

Простая иллюстрация внесет ясность. Поразмышляйте о таком предложении: «Я думаю о вас». Сознаю ли я все возможные мотивы, которые побудили написать это предложение? Конечно, нет. Когда я писал это предложение, я довольно неопределенно думал о вас. И я совершенно не осознавал движения моих пальцев, не контролировал правильного написания слов и использования правильной синтаксической системы. Все это я сделал, не обдумывая сознательно. И тем более, я не думал о том, какой вы, что я еще вам напишу, и о других бесчисленных аспектах значения моего простого предложения. Все это приходит мне на ум только после того, как я вдумаюсь в предложение. После размышлений я могу увидеть в нем гораздо больше, чем когда писал его.

Так же и ветхозаветные авторы, когда создавали свои истории, не осознавали многого из того, что совершили. Если мы вспомним, что эти писатели были вдохновлены Святым Духом, мы еще явственней увидим, что их понимание было ограничено. Мы всегда должны принимать во внимание, как намерения божественного Автора, так и чисто человеческие. Многие элементы текста выходят за рамки того, о чем думали авторы, когда писали. Полностью ли сознавал Моисей сложность структуры, которую мы рассматривали для книги Бытие (2:4–3:24), когда он создавал эту историю? Мы не можем знать точно, но, вероятней всего, нет. Взаимосвязь элементов в этом тексте настолько тонка, что Моисей, наверное, и сам ее не до конца осознавал. Он не осознавал всего, что содержится в тексте. Моисей сказал гораздо больше, чем мог сам осознать и вместить.

Мы никогда не можем быть совершенно уверены в том, в какой мере ветхозаветные авторы понимали свои тексты, поэтому не следует ограничивать себя анализом тех конкретных намерений, которые, на наш взгляд, преследовали авторы. Мы также должны исследовать вопросы, которых сами авторы вполне могли и не заметить.

Историческая дистанция. Еще одной большой проблемой является историческая дистанция между нами и ветхозаветными авторами. Когда мы стараемся оценить их намерения, мы преткнемся о многочисленные исторические барьеры.

Во-первых, как мы уже сказали, мы не знаем точно, кто написал большинство книг. У таких книг, как книга Иисуса Навина, книги Судей и Царств, возможные датировки колеблются более чем

на столетие. Еще труднее понять авторские намерения, когда даты колеблются в пределах нескольких сотен лет.

Во-вторых, между нами лежит пропасть более чем в две тысячи лет, за которые произошло множество изменений в культуре. Мы почти незнакомы со временем и обстоятельствами жизни большинства ветхозаветных писателей. Что мы знаем об образовании Моисея, которое он получил в Египте? Насколько мы знакомы с политической обстановкой в дни автора Паралипомена, когда народ вернулся из плена? Нам сложно восстановить намерения писателей, потому что мы незнакомы со стилем жизни и стандартами, которые они разделяли со своими читателями. Внимательное изучение культуры эпохи автора может устранить некоторые исторические барьеры. Но за каждой стеной, которую пробивает изучение, крепко стоит тысяча других. Мы оцениваем намерения не наших соседей по лестничной клетке; мы пробиваемся сквозь тысячелетия.

Утонченность стиля. Третьим серьезным препятствием является утонченность и своеобразие стиля ветхозаветных писателей. Зачастую они не высказывают своих идеологических целей прямо. Моисей не объяснил, для чего он написал Исход; автор книги Есфирь не сказал о своей цели. Нам необходимо самостоятельно постигать намерения этих писателей. Мы изучаем тексты и определяем мотивы, которые обуславливают форму и содержание их историй. Утонченный стиль ветхозаветных писателей также усложняет определение основной задачи текста.

Изучая цели ветхозаветного автора, мы должны всегда помнить о множестве проблем, с которыми сталкиваемся. Сложность намерений, историческая дистанция и своеобразие стиля усложняют задачу. Поэтому нам необходимо, набравшись терпения, смиренно приступить к толкованию (см. рис. 43).

Подсказки к определению авторских намерений

Детективы получают удовольствие, когда складывают в одно целое частички доказательств, чтобы решить загадку. Если вы любите быть сыщиком, вам понравится исследовать намерения ветхозаветных авторов и собирать воедино разбросанные тут и там подсказки, чтобы установить позицию того или иного писателя. Такие подсказки можно найти в тексте и в обстоятельствах жизни писателя.

В тексте. В предыдущих главах мы рассмотрели ряд подсказок в тексте, которые помогают нам установить цель автора. Давайте снова кратко рассмотрим их, а затем подробнее остановимся на нескольких моментах ветхозаветных историй.

Во-первых, цель автора нам открывается в описании действующих лиц. Ветхозаветные писатели хотели, чтобы их читатели либо одобряли поступки героев, либо осуждали, либо имели другие чувства, но при этом сопереживали персонажам. Рассматривая описание героев в историях, мы можем раскрыть намерения писателя.

Во-вторых, идеологию автора раскрывает также описание сцен. Изменения в стиле повествования выделяют определенные сцены. Комментарии автора также явно отражают его точку зрения. При создании того или иного образа писатели обычно сосредотачиваются на том, что для них важно. Изменения пространства и времени действия обращают наше внимание на те сцены, которые автор выделил, потому что также считал важными.

В-третьих, такие изменения структуры помогают нам обнаружить цели автора. Нарастание и убывание драматического напряжения дает возможность ощутить проблему и ее решение. Подтверждающие и контрастные параллели, включения и структуры обратного порядка соединяют сцены, эпизоды и разделы. Благодаря этим структурам ветхозаветные авторы раскрывают свою позицию.

В-четвертых, ветхозаветные авторы прибегают ко многим индивидуальным способам для выражения своих взглядов. Мы уже упомянули о некоторых из них, но теперь полезно будет рассмотреть их подробнее.

Повторение

Возможно, наиболее распространенным способом, к которому прибегают ветхозаветные авторы для выражения своих идеологических намерений, является повторение. Иногда оно может быть

случайным или сосредоточенным на незначительной теме. Но одни и те же мысли, появляющиеся в истории несколько раз, обычно свидетельствуют о том, что, с точки зрения автора, эти вопросы важны.

Например, в 1Пар.10:1–14 есть два эпизода, которые автор разъясняет. Повторения показывают нам ту основную мысль, которую автор Паралипомена хотел выделить в этом отрывке (см. рис. 44).

Что является наиболее важным для летописца? В каждом эпизоде он упоминает о смерти. В первом эпизоде (ст. 1–7) писатель возвращается к теме смерти несколько раз: сыновья Саула погибают (ст. 2); Саул просит себе смерти (ст. 4); Саул убивает себя (ст. 4); и оруженосец убивает себя (ст. 5). Затем подводятся итоги: «И умер Саул, и три сына его» (ст. 6). Второй эпизод описывает погребение Саула. Остатки его тела найдены после жестокого издевательства. В третьем эпизоде летописец объясняет причины такой позорной смерти. Саул погиб «за свое беззаконие, которое он сделал пред Господом» (ст. 13).

Как эти повторения помогают нам понять цель летописца? Они показывают, что основное значение он придает не войне и не бедам, которые Филистимляне принесли Израилю. Это относительно второстепенные аспекты истории. Его основной темой была смерть Саула и его сынов.

Повторяющееся упоминание о смерти наводит на мысль о том, что летописец желал сосредоточить внимание читателей на важности позорной смерти Саула. Соответственно, он сделал заключение: «За то Он [Господь] и умертвил его, и передал царство Давиду, сыну Иессееву» (ст. 14б). Летописец подчеркивает, что причиной бесславной смерти Саула было отвержение Саула Богом и возвышение рода Давида.

Ссылка

Ссылку можно определить как упоминание элементов одной истории в другой. Этот способ похож на повторение, но обычно применяется к разным эпизодам, которые почти не связаны между собой. Замечая ссылки, мы обнаруживаем важные грани авторских намерений.

Например, в рассказе о Левите и его наложнице (Суд.19:1–30) мы находим сцену, которая напоминает нам о другой известной истории:

Тогда как они развеселили сердца свои, вот, жители города, люди развратные, окружили дом, стучались в двери, и говорили старику, хозяину дома: выведи человека, вошедшего в дом твой, мы познаем его. Хозяин дома вышел к ним и сказал им: нет, братья мои, не делайте зла, когда человек сей вошел в дом мой, не делайте этого безумия. Вот у меня дочь девица, и у него наложница, выведу я их, смирите их, и делайте с ними, что вам угодно; а с человеком сим не делайте этого безумия (Суд.19:22–24).

Эта ужасная сцена похожа на эпизод из истории о Содоме и Гоморре:

Еще не легли они спать, как городские жители, Содомляне, от молодого до старого, весь народ со всех концов города, окружили дом. И вызвали Лота, и говорили ему: где люди, пришедшие к тебе на ночь? выведи их к нам; мы познаем их. Лот вышел к ним ко входу, и запер за собою дверь, и сказал: братья мои, не делайте зла. Вот, у меня две дочери, которые не познали мужа; лучше я выведу их к вам, делайте с ними, что вам угодно; только людям сим не делайте ничего, так как они пришли под кров дома моего (Быт.19:4–8).

Сходство поразительное: в обеих сценах развратники стоят на улице и требуют мужчину, который пришел в гости, но хозяин предлагает взамен своих дочерей. Кое-где даже язык одинаков: «Нет, братья мои, не делайте зла» (Суд.19:23); «Братья мои, не делайте зла» (Быт.19:7).

Почему автор книги Судей опирается на историю о Содоме и Гоморре? В сущности, он провел такую параллель, чтобы показать, что Израиль стал таким же развращенным, беззаконным и заслуживающим Божьего суда, как города, имевшие в дни Авраама дурную славу (Суд.19:30). При помощи такой ссылки он поддерживает общую идею о том, что Израилю необходим царь. Без царя Божий народ не лучше, чем жители Содома и Гоморры.

Драматическая ирония

Термин «ирония» имеет различное применение. Мы можем говорить об иронии слов, в которой скрытое значение, подразумеваемое автором, отличается от того, которое он официально преподносит. При этом писатель или герой его рассказа говорит нечто противоположное тому, что он имеет в виду на самом деле. Еще одним видом иронии является сдержанное или уничижительное высказывание о чем-то. К этому способу авторы часто прибегают, чтобы у читателей появилось ощущение, что значение того или иного слова больше, чем на самом деле.

В данном случае нас интересует драматическая ирония: читатели и автор разделяют знание, удержанное от действующего персонажа. Ветхозаветные авторы часто раскрывали свои взгляды именно таким эффективным способом. Драматическая ирония может и подразумеваться, и выражаться открыто. Иногда ветхозаветные писатели сообщали читателям дополнительную информацию, которая помогала им понять ситуацию глубже, чем понимали ее действующие лица. Таким образом, автор давал читателям почувствовать напряжение, когда они знали о неосведомленности персонажа.

Четко выраженная ирония составляет суть книги Иова. В первых главах читатели узнают о споре между Богом и сатаной (Иов 1:1–12). Однако Иов и его друзья не знают об этом событии. Рассуждая и вопрошая на протяжении всей книги, Иов пытается понять, за что он страдает, но доступ к небу закрыт. Бог обличает Иова (Иов 38–41), давая ему понять, что он не вправе знать об этом.

Когда первые читатели следили за рассуждениями друзей Иова, они уже знали ответ, удержанный от действующих лиц. Это знание помогало им глубже понять того, кто страдал, и затруднения тех, кто пытался в неведении помочь. Такая четко выраженная драматическая ирония отражает важную грань понимания идеологических намерений автора.

Подразумеваемая ирония. Ветхозаветные авторы также передавали свою точку зрения при помощи подразумеваемой драматической иронии. Большинство историй Ветхого Завета не были чем-то новым для читателей тех дней. Некоторые читатели сами переживали описываемые события, и имели о них свое представление. Кроме того, у первых читателей была возможность неоднократно слышать об этих историях. Когда они перечитывали текст второй или третий раз, они уже знали об исходе тех или иных событий, чего не знали сами действующие лица. Таким образом, драматическая ирония имела место даже там, где автор не предлагал читателям никакой особенной информации.

Например, при разделении земли между Авраамом и Лотом (Быт.13:1–18), Лот избрал землю, которая была «как сад Господень», поселившись возле Содома и Гоморры. Однако после упоминания о городах, Моисей добавил: «Жители же Содомские были злы и весьма грешны пред Господом» (ст. 13). В этом кратком комментарии конкретно ничего не сказано о событиях, которые последуют, но для читателей, которые знали об уничтожении Содома и Гоморры, он содержит острую драматическую иронию. Лот думал, что ступает на процветающую землю, но читатели знают, что он направлялся к месту суда. Полагаясь на такое знание, Моисей сообщил свою точку зрения. Авраам не только не потерял благословений земли, которую взял себе Лот, он теперь становится заступником Лота перед Богом (Быт.18:22–23).

Прямая речь

Важность прямой речи в ветхозаветных историях отмечали многие толкователи в последнее время. Как мы уже видели, речь играет значительную роль в описании действующих лиц, в изображении сцен и в структуре рассказа. Кроме того, прямая речь является одним из лучших способов, которыми ветхозаветные авторы выражают свою точку зрения.

При изучении прямой речи действующих лиц нам нужно соблюдать осторожность. Как мы уже знаем, ветхозаветные писатели часто представляли недостатки действующих лиц, изображая их ложные взгляды на происходящие события. Например, когда Мелхола упрекнула Давида за его танец перед ковчегом, она сказала: «Как отличился сегодня царь Израилев, обнажившись сегодня пред глазами рабынь рабов своих, как обнажается какой-нибудь пустой человек!» (2Цар.6:20).

Тем не менее, действующие лица часто отражают точку зрения автора. Давид ответил: «Пред Господом, Который предпочел меня отцу твоему и всему дому его, утвердив меня вождем народа Господня, Израиля — пред Господом играть и плясать буду» (2Цар.6:21). Несомненно, Давид все сказал за автора. Читатели должны были разделять точку зрения Давида.

Можно назвать множество других способов определения мировоззрения писателей. Но, учитывая только эти аспекты текста, толкователи могут значительно улучшать свое понимание целей, с которыми были написаны истории Ветхого Завета.

Обстоятельства автора. Кроме подсказок в самом тексте, мировоззрение автора проясняется, когда мы обращаем внимание на обстоятельства его жизни – историческую ситуацию того времени, когда была написана та или иная история. Текст сам по себе не дает нам такой возможности, но для того, чтобы точнее определить его значение, нам нужно знать что-нибудь об обстоятельствах жизни автора.

Чтобы не усложнять этот вопрос, мы поговорим о двух основных факторах в жизни писателя: Божье вмешательство и культура, в которой жил писатель.

Во-первых, на жизнь ветхозаветных авторов повлияло Божье вмешательство. Они создавали свои истории, чтобы показать читателям, что Бог делал в их время. Они много писали о древних событиях, но истории также должны были показывать действия Божьи в мире, где жили их первые читатели. Чтобы понять намерения автора, нам нужно учитывать Божье вмешательство в ход истории во времена этого автора.

Например, давайте предположим, что Бытие было написано после исхода из Египта. Что сделал Бог в то время? Он вывел Израильян из рабства, заставил их блуждать в пустыне и привел второе поколение к Ханаану. В свете этих событий мы понимаем, что означали для читателей тех дней такие места, как избавление Аврама из Египта (Быт.12:10–20). Моисей написал эту историю, чтобы провести параллель с избавлением Израиля из рабства, и чтобы Израиль осознал, что Бог сделал для него. В их дни Бог помогал им так же, как раньше помогал Авраму.

Также и автор книг Царств жил во время, когда Бог изгнал народ из земли. Этот Божий поступок значительно отразился на задаче писателя. Например, к концу царствования Езекии автор сообщает о визите посланников из Вавилона (4Цар.20:12). Езекия по глупости показал свои богатства посланникам, и Исаия укоряет его за это:

Выслушай слово Господне: вот, придут дни, и взято будет все, что в доме твоем, и что собрали отцы твои до сего дня, в Вавилон; ничего не останется, говорит Господь. Из сынов твоих, которые произойдут от тебя, которых ты родишь, возьмут, и будут они евреями во дворце царя Вавилонского (4Цар.20:16–18).

Почему автор сообщил об этом пятне на репутации Езекии? Он сделал это, чтобы объяснить, что царствование Езекии дало Богу основания отправить народ в Вавилон.

Когда мы оцениваем намерения автора, мы должны внимательно относиться к событиям истории. Дела, которые творил Бог в дни жизни писателей, оставляли в них глубокий след.

Во-вторых, на идеологию автора влияла также культура общества, в котором он жил. Ветхозаветные авторы думали не только о Божьих делах, но и о характере окружавших их людей. Эти аспекты жизни были во многом связаны с Божьим вмешательством. Ситуация в культурной жизни народа определялась тем, что делал для народа Бог. При этом повседневные политические, религиозные и экономические условия вносили свой вклад в формирование мировоззрения писателя.

Например, в Быт.48:1–22 мы читаем о том, как Иосиф посетил своего умирающего отца. Иосиф привез своих сынов к Иакову. Иаков получил указание от Бога относиться к сыновьям Иосифа, как собственным. Иаков благословил двух сыновей, но скрестил руки так, что правая была на младшем. Повествование заканчивается словами Иакова Иосифу: «Вот, я умираю. И Бог будет с вами, и возвратит вас в землю отцов ваших. Я даю тебе, преимущественно пред братьями твоими, один участок, который я взял из рук Аморея, мечом моим и луком моим» (48:21–22).

Почему Моисей описал это так подробно? Была ли это всего лишь сентиментальная семейная запись? Хотел ли он просто описать прошлое? Нет, Моисей хотел разъяснить современникам их ситуацию. Количество стихов, отведенных отношениям между коленами Израиля в Исходе, Числах, Второзаконии, книгах Иисуса Навина и Судей свидетельствует о многочисленных разногласиях между коленами об их положении в иерархии. Бытие (48:1–22) предугадывает эти конфликты.

Почему Ефрем и Манассия считаются равными с другими коленами? Почему колено Иосифа получает богатый двойной удел? Эти вопросы, злободневные для тех дней, находят свой ответ в этом отрывке Писания: место колен Иосифа определилось благословением Иакова.

Мы сталкиваемся со многими проблемами, когда восстанавливаем идеологические задачи ветхозаветных авторов, но мы можем находить подсказки в самих текстах и в обстоятельствах жизни писателей. Собрав эти подсказки вместе, мы сможем определить первоначальные цели ветхозаветных историй (см. рис. 45).

Заключение

В этой главе мы кратко рассмотрели два основных вопроса. Для того чтобы понять, с какой целью писал свою книгу тот или иной ветхозаветный автор, нам необходимо установить первые и последние даты составления окончательной формы книги. Затем, установив эти рамки, мы можем начать исследовать намерения писателя, изучая тексты и исторические обстоятельства. По мере того, как мы продвигаемся в изучении эпохи автора ветхозаветных историй и его современников, такие подсказки окажутся незаменимыми.

Вопросы

1. Дайте определение понятию развития текста, составления окончательной формы и корректорских поправок в историях Ветхого Завета? В чем эти свойства ветхозаветных книг препятствуют нашим попыткам установить авторство ветхозаветных историй и их первых читателей?
2. Какими подсказками мы можем пользоваться для восстановления возможных дат составления окончательных форм книг?
3. С какими проблемами мы сталкиваемся, пытаясь понять цели ветхозаветных писателей?
4. Какие подсказки помогают нам установить злободневные проблемы, которые авторы раскрывали перед современниками?

Упражнения

1. Посмотрите на обсуждение авторства книги Бытие в любых двух комментариях к Ветхому Завету. Какими принципами руководствуются авторы данных комментариев, когда определяют, кто написал Бытие?
2. Изучите книгу Руфь. Какие подсказки вы замечаете для установления дат окончательного составления книги? Обратите особое внимание на родословные в последней главе.
3. Прочтите Бытие 1:1–2:3. Составьте список из пяти пунктов, которые разъясняют, что отрывок был написан специально для Израиля в дни Моисея. Какие темы Моисей поднимает в этом отрывке?